

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 1015–1031, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 1751 (= 82-1/-9/. 82-1 / . 82-13)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1015-1031

Приемы создания портрета главного героя в якутском эпосе (на материале текстов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и «Строптивный Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Теплоухова)

Гульнара Егоровна Саввинова¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 42, ул. Кулаковского, 677000 Якутск, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-9868-4962. E-mail: [savgul6767\[at\]mail.ru](mailto:savgul6767[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Саввинова Г. Е., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию приемов создания портретов главного героя на примере текстов якутских олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» (1920–1930) П. А. Ойунского и «Строптивный Кулун Куллустуур» (1906) И. Г. Тимофеева-Теплоухова. Олонхо сказителя И. Г. Тимофеева-Теплоухова, по определению эпосоведа Н. В. Емельянова, относится к ранним типам архаического эпоса. Олонхо якутского писателя П. А. Ойунского является первым литературным, художественно-обработанным эпосом. В статье впервые предпринимается изучение особенностей применения приемов портрета-описания героя, функционирующих в записях П. А. Ойунского и И. Г. Тимофеева-Теплоухова. *Актуальность* исследования обусловлена тем, что сравнение текстов эпоса «Нюргун Боотур Стремительный» и раннего типа олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» позволяет проследить использование приемов создания портретов главных героев, и это, с одной стороны, ярко демонстрирует неповторимость художественного мира каждого из этих сказителей-авторов, а с другой — дает представление о развитии, об усложнении портрета-описания в эпосе, более глубоком его ассоциативном наполнении. *Цель* исследования заключается в выявлении особенностей приемов создания портрета главного героя в олонхо П. А. Ойунского и И. Г. Тимофеева-Теплоухова, их функционирования, а также отражения национальной специфики в портретных характеристиках. Для достижения цели решались следующие *задачи*: классифицировать портретные описания; охарактеризовать виды приемов и их функций в портрете-описании главного героя; выявить устойчивые формулы в создании образов героев; определить специфику портретирования как одного из главных приемов создания эпического героя. Кратко характеризуются существующие виды эпического портрета, их функции и особенности; рассматриваются изобразительные средства, служащие раскрытию характеров героев. В *результате* исследования

в текстах олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» и «Строптивый Кулун Куллустуур» установлена повышенная устойчивость портретов-описаний, в которых варьируется периферийная часть (эпитеты, способствующие выразительному и эмоциональному изображению героев). Отмечается многофункциональность, широта семантического поля портрета-описания; определяется его место среди существующих приемов создания эпического героя. Раскрывается идеализация героев посредством описаний внешности, избыточных сравнениями, повторами, оценочными эпитетами. Рассматривается историческая изменчивость портретирования в олонхо П. А. Ойунского в зависимости от эпохи, художественного метода писателя. Особое внимание П. А. Ойунский уделяет художественной детали, в контексте народной традиции. Обнаружено, что изучение приемов создания портрета героев способствует выявлению новаторских приемов, которые использовал П. А. Ойунский в создании олонхо «Нюргун Боотур Стремительный».

Ключевые слова: якутский героический эпос олонхо, главный герой, приемы, портрет-описание, портретирование, деталь, специфика стиля, литературная обработка

Для цитирования: Саввинова Г. Е. Приемы создания портрета главного героя в якутском эпосе (на материале текстов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и «Строптивый Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Теплоухова) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 1015–1031. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1015-1031

Techniques for Portraying a Main Character in Yakut Epic: Investigating Olonkho Texts of *Nyurgun Bootur the Swift* by P. Oyunsky and *Kulun Kullustuur the Obstinate* by I. Timofeev-Teploukhov

Gulnara E. Savvinova¹

¹ Ammosov North-Eastern Federal University, Research Institute of Olonkho (42, Kulakovsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9868-4962. E-mail: savgul6767[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Savvinova G. E., 2023

Abstract. Introduction. The article examines Yakut heroic *olonkho* epics — *Nyurgun Bootur the Swift* by P. Oyunsky and *Kulun Kullustuur the Obstinate* by I. Timofeev-Teploukhov — for techniques employed to create portraits of main characters. According to N. Yemelyanov, the *olonkho* *Kulun Kullustuur the Obstinate* recorded from tale-teller I. Timofeev-Teploukhov clusters with earliest patterns of archaic epic, while that of Yakut writer P. Oyunsky (*Nyurgun Bootur the Swift*) is the first literary adaptation of *olonkho* texts. The study attempts an insight into how and which particular portrayal techniques were used by P. Oyunsky and I. Timofeev-Teploukhov to depict main characters of theirs. The comparative approach to the narratives recorded in different periods shall make it possible to trace the use of portrayal techniques, which shall underline the unique artistic features characterizing each of the tale-tellers, and show how such portrayal patterns developed to gain deeper associative essentials in further *olonkho* texts. **Goals.** The study aims to identify some distinct features inherent to the techniques of creating main characters' portraits in the *olonkhos* *Nyurgun Bootur the Swift* and *Kulun Kullustuur the Obstinate*, and outline ethnic specifics in portrayal characteristics. To facilitate this, the paper shall classify portrayals, articulate types of techniques and their functions in portraying a main character, identify stable formulas employed to depict heroes, determine specific features of portrayal as a key technique for the making of an epic hero. The work reviews the existing types of epic portraits, their functions and attributes, examines some visual means serving to unveil the images of main characters. **Results.** The study attests to the examined narratives are characterized by an increased stability of depictive portrayals with peripheral parts (artistic and emotional epithets)

tending to vary. Each such depictive portrayal proves multifunctional, semantically wide, and technically relevant. The descriptions of the heroes' appearances are somewhat idealized and rich in comparisons, repetitions, evaluative epithets. Portrayal agendas of P. Oyunsky vary through history and depend on actual artistic methods and style employed by the author who pays special attention to fictional details depicted in the context of folk traditions. The study of the techniques helps identify which innovative tools P. Oyunsky used when he was creating his *Nyurgun Bootur the Swift*.

Keywords: Yakut heroic olonkho epic, main character, techniques, depictive portrait, portrayal, detail, specifics of style, literary adaptation

For citation: Savvinova G. E. Techniques for Portraying a Main Character in Yakut Epic: Investigating Olonkho Texts of *Nyurgun Bootur the Swift* by P. Oyunsky and *Kulun Kullustuur the Obstinate* by I. Timofeev-Teploukhov. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 1015–1031. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1015-1031

1. Введение

Портрет в эпосе — это одно из средств художественной характеристики, состоящее в идейном отношении к герою через изображение внешнего вида героя. В гуманитарном познании портрет главного героя в произведении является одним из ключевых, отражающих человеческую деятельность в предметах материального и духовного мира. Следовательно, портретное описание нельзя привязывать лишь к предметному миру, к одному узкому изучению. Вследствие этого оно должно трактоваться шире, масштабнее.

Среди всех жанров устного народного творчества портретное описание находит более распространенное использование в эпических произведениях. Представление героя в эпических произведениях, как и литературного героя, достигается различными художественными приемами, например: описание «поведения героя», при этом следует сочетать «не только изображающую, но и оценочную функцию» [Есин 2000: 51], что будет «способствовать формированию целостности образа героя» [Абдуллина 2014: 1343–1347] и др.

Исследования последних лет подтвердили, что главной характеристикой образа является его языковая составляющая, под которой понимаются изобразительно-выразительные средства языка, используемые для создания образа [Опарина 2017: 152].

К. Л. Сизова конкретизирует портретное описание, утверждая, что оно содержит такие детали характеристики героя как:

черты лица, голос персонажа, одежда и др. [Сизова 1995: 152]. По мнению А. Б. Есина, портрет-описание может содержать в себе дополнительно множество компонентов и выполнять различные функции [Есин 2000: 51].

Н. А. Родионова считает, что целью портрета-представления является знакомство читателя с персонажем, поэтому он часто находится в начале текста. В портрете-оценке семантически значимым являются ощущения наблюдателя, в роли которого выступает повествователь или другой персонаж [Родионова 1999: 45].

Таким образом, каждая деталь несет определенную идейно-эмоциональную нагрузку. В. А. Кухаренко объясняет: «Деталь — выделение одной характеристики объекта или явления для воссоздания (воспринимающим. — Г. С.) всей картины изображаемого в ее целостности и полноте» [Кухаренко 1988: 17]. Следовательно, детальное, подробное описание дает создателям произведения всеобъемлющую возможность по обогащению образа.

Немало работ литературоведов и эпосоведов посвящено характеристике внешности главного героя в олонхо П. А. Ойунского «*Нюргун Боотур Стремительный*» [Ойунский 1982: 431]. Основной материал, имеющий теоретический характер, изложен в трудах литературоведа и эпосоведа И. В. Пухова [Пухов 2016: 46; Пухов 1962: 255]; изучение эпических образов занимает значительное место в научных трудах якутских исследователей В. Т. Петрова,

Л. Д. Нестеровой, В. П. Еремеева, Н. В. Покатиловой, Н. А. Оросиной [Петров 1978: 97–100; Нестерова 1978: 159–162; Еремеев 1980: 53–59; Покатилова 2000: 40; Покатилова 2018: 127–134; Покатилова, Оросина 2018: 24–25] и др.

Выявление специфики эпических портретов-описаний представляют исследования А. Н. Даниловой, А. Ф. Корякиной, С. Д. Львовой, Л. Н. Герасимовой [Данилова 2008: 21; Корякина 2018: 83–90; Львова 2021: 202–216; Герасимова, Львова 2016: 52–64] и др.

Эпический образ в якутском олонхо сложно представить без портрета-описания. Несомненно, мы понимаем, что объять необъятное невозможно, особенно когда речь идет о видах стилизованных приемов портретирования героев в эпических произведениях. Вместе с тем портрет эпического героя становится предметом исследования не только с точки зрения эпосоведения, но и «с литературоведческой и с лингвистической точек зрения, делая его не только многофункциональным, но и многоаспектным» [Малетина 2004: 181]. Таким образом, жанры эпических произведений «дают более широкую платформу для создания сложного многокомпонентного» [Шинкевич 2017: 83–97] портрета эпического героя.

Остановимся на тех аспектах, которые касаются анализа оценочного, ситуативного портретов [Беспалов 2001: 160]: портрета-описания, портрета-сравнения и характеристического портрета [Есин 2000: 163; Малетина 2004: 181].

2. Материалы и методы исследования

В данной работе впервые проблемы приемов создания портрета главного героя рассматриваются на материале якутского героического эпоса олонхо. Для выявления приемов создания портретов главных героев нами представлено сравнение текстов олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» («Ньургун Боотур Стремительный», далее — НБС) П. А. Ойунского и раннего типа олонхо «Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур» («Строптивый Кулун Куллустуур», далее — СКК) И. Г. Тимофеева-Теплоухова. Исследование приемов создания портрета героя основывается на теоретических положениях отечественных фольклористов, литературоведов: А. Н. Веселовского [Веселов-

ский 2004], В. Е. Хализева [Хализев 1999], В. П. Аникина [Аникин 2007], У. Б. Далгат [Далгат 1981], В. М. Гацака [Гацак 1989]. Работа выполнена с использованием методологии текстологического исследования, включающей сравнительно-исторические методы, описательный метод, а также когнитивный подход.

Среди наиболее популярных якутских олонхо сказания с названием «Ньургун Боотур» занимают особое место. Ньургун Боотур является образцом богатыря-защитника племен, который воспет олонхосутами на территории бывшего Ботурусского улуса, по определению В. В. Илларионова, «таттинской школы сказителей» [Илларионов 1982: 27].

Основоположник якутской литературы, писатель, поэт, олонхосут П. А. Ойунский родом из Таттинского улуса, впервые в истории якутской литературы он поэтически обработал, воссоздал и издал вариант олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» («Ньургун Боотур Стремительный», 1920–1930 гг.). Это авторское литературное олонхо писателя П. А. Ойунского, первое в истории. Вслед за ним создали литературные олонхо якутские писатели Эрилик Эристиин, Кюннок Урастыров, С. С. Васильев. «Знарок и почитатель фольклора П. А. Ойунский был пленен многообразием сюжетов олонхо, легенд и преданий, снова и снова обращается к ним, переосмысливает, ищет формы и структуры зарождающейся литературной традиции...» [Гоголева 1996: 6]. Поддерживая традиционную точку зрения в создании олонхо, П. А. Ойунский искал способы внести эволюцию в эпический текст, вместе с тем «стремился утвердить генетическую связь письменной литературы с эпическим произведением (подчеркнуто мной. — Г. С.)» [Степанова 2022: 139].

В 1906 г. этнограф В. Н. Васильев записал у олонхосута Иннокентия Гурьевича Тимофеева-Теплоухова (1869–1962) «Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур» («Строптивый Кулун Куллустуур») [Тимофеев-Теплоухов 1985].

В 1911 г. в «Образцах народной литературы якутов» (под редакцией Э. К. Пекарского) [Образцы 1911] на якутском языке было опубликовано олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Те-

плоухова. В 1985 г. оно было переиздано с переводом на русский язык в серии «Эпосы народов СССР» [Тимофеев-Теплоухов 1985].

По определению Н. В. Емельянова, олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» относится к ранним типам архаического эпоса [Емельянов 1983: 57]. Установлено, что олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеев-Теплоухов усвоил от олонхосутов центральных улусов, в частности, от олонхосута Николая Афанасьевича Каприна. В 1895 г. лексикограф-этнограф С. В. Ястремский со слов олонхосута, уроженца 2-го Оспекского наслега Дюпсюнского (ныне Усть-Алданского) улуса Якутского округа Н. А. Каприна записал первый вариант текста олонхо «Вороным конем владеющий, в оборотничестве искусившийся Кулун Куллустуур» и перевел в прозаической форме на русский язык [Ястремский 1929: 56–76].

В настоящей статье классифицируются портретные описания главных героев в олонхо НБС и СКК, в которых приводится детальный анализ различий портретов главных героев, а также приемы создания портрета героя при помощи невербальных средств. Рассматривается вопрос о том, что писатель-сказитель П. А. Ойунский, принципиально стремясь выразить общее народное, внес в текст НБС авторский замысел.

П. А. Ойунский занимался созданием своего олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» в период расцвета национальной якутской литературы — в 1920–1930-е гг. Он создал свое произведение на нескольких сюжетах ранних олонхо (за период до начала XX в.). В основу олонхо автором заложен также сюжет сказителя Иннокентия Гурьевича Тимофеева-Теплоухова «Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур» («Строптивный Кулун Куллустуур») (1906).

Цель проведенного исследования заключается в выявлении создания портрета главного героя в олонхо НБС и СКК. Для достижения цели предполагается решить следующие задачи:

- выявить устойчивые формулы в текстах олонхо НБС и СКК с учетом их стадийного развития;
- охарактеризовать виды приемов и их функций в описании главного героя.

3. Приемы создания портретов главных героев в текстах олонхо НБС и СКК

В якутском героическом эпосе олонхо главный действующий персонаж — богатырь айыы (*айыы* — миф., фольк. ‘доброе божество’) изображается как идеальный герой, как объект восхищения и воспевания. Для более детального анализа основных сходных и различных свойств в портретописании, их употребления используем тексты олонхо НБС и СКК. Сравнимые образы главных героев представлены в табл. 1.

Таблица 1. Сопоставительный анализ образов главных героев в НБС и СКК

[Table 1. Images of main characters in *Nyurgun Bootur the Swift* and *Kulun Kullustuur the Obstinate*]

Основные данные сравниваемых образов главных героев					
Название олонхо	Место обитания персонажа	Родовое происхождение	Маркирующий индивид	Имя персонажа	Показатель сословного статуса
Нюргун Боотур Стремительный (НБС)	В Верхнем мире, на склоне бурных небес; в Среднем обитаемом мире; на просторах праматери, долины Кыладыкы	Родился от Айынга Сизэр Тойона и Айыы Нуоралджын Хотуна	Владеющий вороным конем, Стоя рожденный На грани небес, Стремительный Нюргун Боотур	Нюргун Боотур Стремительный	Богатырь

Строптивный Кулун Куллустуур (СКК)	В Верхней Сибири названным; в Нижнем мире названным, в Среднем же мире названным [о месте рождения. — Г. С.]	Родился от младшего брата Юрюнг Айы Тойона — Грозного Джэсёгея и Джюсюлю Хотун	Владеющий конем: Огненный Рыжий конь, Который, резвясь, мотает головой; Буйный Рыжий конь, Который, резвясь, Перебирает ногами; Вихревой Рыжий конь, Который, резвясь, Помахивает хвостом	Строптивный Кулун Куллустуур (жеребец быстроногий и резвый)	Богатырь
---	---	---	--	--	----------

Синтагматическая последовательность представления главных героев начинается: в СКК — во вступительной части текста, в НБС — только в разделе «Стих 18». Первые Нюргун Боотур представлен не с описания его внешнего облика, а с повествования о его рождении на свет. Такое развернутое описание связано со стремлением автора эстетизировать ситуативный момент в «биографии» главного героя. Появление на свет Нюргуна напрямую связано с внешними обстоятельствами, рождая в олонхо мотив и действие. Так, в Песне 1 (стих 18) автор применяет отступление: «каков он собой, если спросят...» для того, чтобы выделить начало описания действующего лица — богатыря Нюргуна. Далее следует изображение героя в младенчестве: ... как малышом-ползунком, /...угрожал он нижнему миру, / что разрушит его... [Ойунский 1982: 41].

В основу техники описания героя положены разные основания. В изучении портретирования героя считаем целесообразным опираться на классификацию портретных описаний: 1) *портрет-представление* (внешние данные богатыря, т. е. портрет-знакомство); 2) *портрет-оценку* (или портрет-понимание); 3) *ситуативный портрет* (богатырь в действии).

Известно, что в якутском устном творчестве наивысшую степень художественно-изобразительных средств может

вобрать в себя только эпическое произведение — олонхо. При создании эпического образа наиболее частотными языковыми средствами выступают такие художественно-изобразительные средства, как эпитеты, сравнения, повторы, гипербола и др. Наиболее распространенный троп в якутском олонхо — это эпитеты. Встречающиеся в олонхо П. А. Ойунского и И. Г. Тимофеева-Теплоухова постоянные эпитеты относятся к изображению богатырей. В большинстве случаев в описании используются устойчивые «украшающие» эпитеты. Об этом Е. М. Мелетинский писал: «Постоянные эпитеты, в широком смысле, имеют характер украшения. Такие эпитеты определяют существительное и выражают общие [идеально-образцовые и нормальные] особенности предмета» [Мелетинский 1968: 368].

В тексте якутского олонхо среди многообразия портретов-описаний основополагающим является определенный канон о чертах лица богатыря. Рассматриваемые нами тексты олонхо богаты устойчивыми формулами. Основным материалом для изучения устойчивости и изменения описаний в настоящей работе послужили шесть описательных конструкций, функционирующих в текстах НБС и СКК. Приступим к сопоставительному анализу портретов-описаний, которые информативными представляются на языке оригинала (см. табл. 2).

Таблица 2. Описание лица героя в НБС и СКК
 [Table 2. Descriptions of the main character's face
 in *Nyurgun Bootur the Swift and Kulun Kullustuur the Obstinate*]

Портрет-представление: описание лица героя: (вариации эталона описания в олонхо НБС и СКК)		
СКК	<i>Хара саһыл кыылы Хайыта-тырыта бысталаан Харах-хаас онорбут курдук, Халбалдьыгас хара көмүс Хаастаах-харахтаах эбит</i> [Тимофеев-Теплоухов 1985: 8–9]	У него черного серебра брови и глаза, Словно брови и глаза сладили ему, Распластав на две половины Черную лисицу, которая выросла, Скрываясь в отдаленном темном лесу [Тимофеев-Теплоухов 1985: 286]
НБС	<i>Харса олорор курдук Хара субул хаастаах эбит...</i> [Ойунускай 2003: 104]	Черные длинные брови его — Будто сшиблись рогами Два черных быка [Ойунский 1982: 89]

Как показывает анализ материала, портрет героя содержит описания, создающие общность характеристики природного мира и человека. Очевидно, в авторском отношении к природе заложены «установочные ценностные позиции (смысловые ориентиры)» [Исакова 2001: 79].

Устойчивость в «описании лица героя» высока, так как в обоих текстах объекты описания не претерпели изменения — *уостаах* ‘с губами’, *хаастаах* ‘с бровью’, *харахтаах* ‘с глазами’. Вместе с тем в языковом оформлении отличается эпитет составной части объекта описания в тексте СКК. Так, вместо *уһуктаах уостаах*, что означает ‘губы остры’ [Ойунский 1982: 89], использованы прилагательные-эпитеты в развернутой форме и сравнения: *у него такие ладные зубы и губы / словно зубы и губы ему сладили / на части раскроив / лисицу* [Тимофеев-Теплоухов 1985: 5–6]. Здесь подчеркнута описание губ главного героя, а основанием для сопоставления служат *ладные губы и зубы* богатыря. Из этого следует, что в описании такая вариация вносит значительное отличие.

В процессе антропосоциогенеза человек постепенно стал обнаруживать в себе способность любоваться красотой природы. Справедливо отмечено исследователями, что «такой способ характеристики героев эпоса расценивается как самый архаичный первичный способ изображения» [Кузьмина, Арбачакова, Шульбаева 2020: 28]. Точные черты лица Нюргуна и Кулун Кулустуура несоразмерны с их богатырским гигантским телосложением, с их воинствен-

ным вспыльчивым нравом: *уһуктаах уостаах / хатааһыннаах хара чабыл, ...харахтаах эбит* ‘губы остры, / глаза у него, / как два блестящих луча’ [Ойунский 1982: 89]; ... *обугур-чобугур / уостаах-тиистээх эбит* ‘у него такие ладные зубы и губы’; *халбалдьыгас хара көмүс / харахтаах-хаастаах эбит* ‘у него подвижные такие / черного серебра глаза и брови’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 5–6].

Именно идеальные черты лица, органично введенные в эпический текст, раскрывают добросердечность богатырей, а глаза излучают тепло их души. Вместе с тем, если П. Ойунский в описании лица ограничивается прямым сравнением: ‘глаза у него горят, / как два блестящих луча, / губы остры...’ [Ойунский 1982: 89], то И. Г. Тимофеев-Теплоухов развивает свое описание в развернутом сравнении — в 18 стихотворных строках.

Сравнительно-уподобительные конструкции в описании нечеловеческой физической силы главного героя — одна из самых распространенных устойчивых формул в якутском олонхо. Сравнительно-уподобительные конструкции часто становятся основанием в характеристике положительных персонажей. Устойчивые формулы сравнительных конструкций являются основными образными средствами, что, как отмечает В. А. Маслова, «способны дать ключ к разгадке национального сознания» [Маслова 2001: 145]. Имеющее множество вариантов описания частей тела героя оформляется также и в виде метафоры (см. табл. 3).

Таблица 3. Описание частей тела героя
 [Table 3. Descriptions of main character's body parts]

Портрет-представление: описание частей тела героя: (вариации эталона описания в олонхо НБС и СКК)		
СКК	<i>Суллаабыт тиит курдук</i> <i>Ньондо-хаан сотолоох</i> [Тимофеев-Теплоухов 1985: 9]	мощные ноги его — Словно лиственница со снятой корой [Тимофеев-Теплоухов 1985: 287]
НБС	... <i>Уолах тиитим уһун дүлүгүн</i> <i>Ууран-тутан усталаабыт курдук</i> <i>Ньодо дьоробор сотолоох эбит</i> [Ойунуской 2003: 104–105]	... Голени его, Как два толстых длинных бревна Молодых лиственниц [Ойунский 1982: 89]

При сопоставлении вариантов НБС и СКК становится ясным, что основой формулы является двухчленный параллелизм — гиперболические описания-сравнения богатырских *сото* ‘голени’ и *сарын* ‘плечи’ по отдельности с деревьями, со стволами деревьев. В данных фрагментах в основе формулы объект описания-сравнения — *сото* *суллаабыт тиит курдук* ‘его мощные ноги, словно со снятой корой лиственница’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 287] претерпел изменения: *уолах тиитим уһун дүлүгүн / ууран-тутан усталаабыт курдук / ньодо дьоробор сотолоох эбит* ‘голени его, / как два толстых длинных бревна / из молодых очищенных лиственниц’ [Ойунский 1982: 89]. Лиственница, часто используемая лексема в якутском олонхо, является выразительным символом-аллюзией. По мнению Л. Л. Габышевой: «В разграничении дендрологических символов, как женских и мужских, эксплицируется роль знания характерных особенностей и отличий деревьев. Например, такие известные качества лиственницы, как высокая твердость и прочность древесины (...), можно переосмыслить метафорически как типичные черты молодого мужчины» [Габышева 2019: 80].

Такие устойчивые формулы в СКК, как *алта былас / дарайар сарыннаах* ‘с плечами — в шесть саженной маховых’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 287], наблюдаются и в тексте НБС. Вместе с тем П. А. Ойунский обстоятельно «отшлифовывает» каждую деталь: *алта былас холобурдаах / аманаат дарабар сарыннаах* ‘в плечах непомерно широк — в шесть маховых саженей’ [Ойунский 1982: 89]. Примечательно, что в варианте НБС сохранены слова в устаревшем значении (в данном примере *аманаат* —

имеющий широкие шестисаженные плечи (обращающие на себя внимание) [Словарь 2008: 97]).

В традиции олонхо существует несколько способов выражения сравнения с помощью сравнительных конструкций со словами: *саба* ‘величиною с, ровно’; *курдук* ‘как, подобно, словно’, а также «с помощью союзного слова *тэнэ*, аффикса *-лыы*, с помощью падежных показателей и др.» [Ойунуской 2003: 11]. Многократное употребление союзных слов *курдук* и *саба* объясняется их синтаксической и семантической универсальностью [Герасимова, Львова 2016: 63].

Одним из средств, наиболее обработанных П. А. Ойунским, стал внешний вид богатыря Нюргуна: не столько сам тип портрета, а сколько техника его создания. П. А. Ойунский как писатель, поэт, рисуя своего героя, предпочтение отдает скрупулезному описанию телосложения богатыря. Н. В. Покатилова и Н. А. Оросина отмечают, что якутский писатель П. А. Ойунский «впервые в процессе формулообразования пользуется традиционной системой как материалом, создавая при этом сложное, формульно-метрическое образование нового, окказионального смысла» [Покатилова, Оросина 2018: 24].

Если обратить внимание на формальное считывание стихотворных строк на языке оригинала, то «объем» портрет-описание богатыря Нюргуна, которое охватывает 44 стихотворных строки, а в описании И. Г. Тимофеева-Теплоухова — 24 строки. Как пишут Д. М. Балашов и Т. А. Новичкова: «Огромность героев, изображенных средствами внешней гиперболизации, на деле, в самом эпическом действии, оказываются, скорее, выражением их духовной

мощи» [Балашов, Новичкова 2001: 25]. Вместе с тем нужно отметить, что ввиду того, что олонхо И. Г. Тимофеева-Теплоухова является ранним олонхо, его можно признать исходным материалом для портрета-описания во многих олонхо, в частности в олонхо П. А. Ойунского.

Своего рода опорными звеньями, скрепляющими создание образа, служат такие эпические приемы, как многократное повторение. Анализ показывает, что особенность повторов определяется «движением от аллитерационного повтора в сторону его орнаментализации, а также появлением других видов повторов типа корневой рифмы» [Покатилова, Оросина 2018: 24].

В текстах НБС и СКК эвиденциальные конструкции с частицей *эбит* ‘оказывается’, *кэстөр* ‘видно’ являются «одной из активно используемых форм предложений, что связано с пересказывательным эпическим характером» [Ефремов 2011: 55]. Многократное повторение в портретировании богатырей Нюргуна и Кулун Куллуштуура предназначено для создания впечатления их монументальности и важности. Часто используются распространенные и многократные повторения, а также сравнения, например: *...баай тиитим ба-стын дүлүгүн / балтаччы ууран барылла-абыт курдук / барылы ньыгыл быччыннаах эбит...* ‘огромен он, как утес, /... его мышцы, / корни вековых лиственниц будто’ [Ойунский 1982: 89]; *...сэттэ маһынан аттаран онгорбут / халбан курдук / нанабар кэтит түөстээх эбит* [Тимофеев-Теплоу-

хов 1985: 9] ‘словно сделанная из семи лесин / его широкая грудь выпяченная’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 287].

Повторения не преследуют чисто механических целей, а выполняют композиционную роль. Очевидно, в портрете-описании П. А. Ойунского акцент делается на чередование стиха: описание лица – фигуры – лица – фигуры. Вместе с тем у И. Г. Тимофеева-Теплоухова описание композиционно упорядочено по схеме: лицо – фигура. Здесь уместны объяснения Н. В. Покатиловой и Н. А. Оросиной, что «каким бы ни было происхождение отдельных приемов, взятых в своей совокупности, они предстают как система, которая в свою очередь является целенаправленной трансформацией имеющегося традиционного поэтического языка» [Покатилова, Оросина 2018: 24].

П. А. Ойунский посвятил немало стихотворных строк описанию лица Нюргуна — 18 стихотворных строк, телосложения — 48 строк; И. Г. Тимофеев-Теплоухов — лицу героя — 21 стихотворную строку; телосложению — 30 строк.

Функция *портрета-ситуации* связана с изображением внешности богатыря, обусловленной конкретной ситуацией. В характеристике персонажей Г. Р. Хусаиновой выделен параметр «следствия жестов, движений, эмоций», которые, как отмечает исследователь, «имеют древний характер» [Хусаинова 2017: 196].

Рассмотрим портрет главных героев сквозь призму их поступков и деяний (см. табл. 4).

Таблица 4. Действия героев в НБС и СКК

[Table 4. Actions of main characters in *Nyurgun Bootur the Swift* and *Kulun Kullustuur the Obstinate*]

Ситуативный портрет (действия героев): герой в ярости (вариации эталона описания в олонхо НБС и СКК)		
СКК	<i>...Икки харабын уота Уоттаах хатат уотун курдук Таннары таммалаан түстэ</i> [Тимофеев-Теплоухов 1985: 22–23]	Из обоих глаз у него посыпались искры, Словно из кремнистого огнива [Тимофеев-Теплоухов 1985: 299]
НБС	<i>... Хагас хараба Хааннаабынан хаһылыччы көрбүтүнэн...</i> [Ойуунускай 2003: 126]	... Левый глаз его засверкал, налившись кровью... [Ойунский 1982: 106]

Эмоциональная окрашенность показана в ярости героев, в которой сравнение с природными явлениями становится главным действующим приемом. И. Г. Тимофеев-Теплоухов и П. А. Ойунский, прибегая к древнейшему стилистическому приему сравнения с растительным и животным миром, выявляют ментальные и эстетические ценности. В НБС и СКК обращается внимание не только на сущность поступков героев, но и на манеру совершения действий. Например, объектом сравнения выступает *кыыһырбыт* ‘рассвирепел, разгневался’, т. е. образное состояние богатыря, восплававшего гневом, изображается как: *киил мас курдук / мэтэчи тардан барда* ‘спинные сухожилия стали стягиваться, выгибаясь, как упругое дерево’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 299]; *киил мас курдук, кинэчи таттаран барда* ‘сухожилия стягиваются, как дерево крепкое’ [Ойунский 1982: 106]. Лексема *киил*, обозначающая дерево-лиственницу, приобретает в текстах НБС и СКК метафорическое значение.

Далее детальное описание выражения эмоций (героя в ярости) помогает «вжиться» в образ посредством космического пространства, Вселенной: ‘у Нюргуна глаз, / словно огненная звезда...’ [Ойунский 1982: 106]. Сопоставление формул эмоционального состояния героев в описании-сравнении, уподобляющего *глаза* небесным светилам, воспринимается в большей своей части «на „атрибутивной“ основе, подчеркивающей нерасчлененность мира (космос и человек) в архаическом сознании» [Хуса-

инова 2017: 202–203]. В ярости уподобление человека природе выражается посредством метафоры: *харабыттан / сиэрэ уота / сирдыгинии тобунна* ‘метали глаза его / трескучий огонь искрящийся’ [Ойунский 1982: 106]; *икки харабын уота / уоттаах хатат уотун курдук / таннары таммалаан түстэ* ‘словно из огнива кремнистого, / из глаз его искры с треском посыпались’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 299]. Скрупулезное описание выражения эмоций в сравнении *сиэрэ уота* ‘букв. огонь от серы’ и *хатат уота* ‘кремнистое огниво’ четко выражают эмоциональное состояние героев, их помыслы и поступки. Сравнения как *огонь от серы* в олонхо НБС и как *кремнистое огниво* в раннем тексте олонхо СКК в ходе исторических изменений претерпели метафорическое переосмысление. Это говорит о том, что олонхо НБС относится к позднему времени, к «веку» писателя-сказителя П. А. Ойунского. Н. В. Покатиловой отмечено, что «акцентирован фактор, предопределивший „сделанность“ олонхо (*олорон / суруйбут / оноһуллубут олонхо* — ‘сев / написал / сделанное олонхо’)». Тем самым подчеркивается принадлежность созданного текста (олонхо НБС. — Г. С.) к письменной, а не к устной традиции» [Покатилова 2018: 130]. В фрагментах «герой в ярости» сравнений выявлено: в СКК — 6, в НБС — 10.

Признаки, характерные для героев в различных ситуациях, отражены в эпизоде «*быстрота двигательных реакций героев*» (см. табл. 5).

Таблица 5. Скорость реакций героев в СКК и НБС

[Table 5. Reaction rates of main characters

in Nyurgun Bootur the Swift and Kulun Kullustuur the Obstinate]

Ситуативный портрет (действия героев): Быстрота двигательных реакций героев (вариации эталона описания в олонхо НБС и СКК)		
СКК	<i>Тэбинэн сүүрдэжинэ — Уллунабын тыаһа куртуйах улар Кынатын тыаһын курдук тилигирэс</i> [Тимофеев-Теплоухов 1985: 202]	Когда он бежал скачками, Пятки его шлепали [с шумом], Подобным шуму крыльев тетерева-косача [Тимофеев-Теплоухов 1985: 303]
НБС	<i>Дьураа хара атыгар, ...Хардааччы кыыл курдук Хаһыытаабытынан тахсан, Хап гына Хатана түстэбэ...</i> [Ойунской 2003: 104–105]	Ловко сел он в седло — С гиком, будто птицею был, Будто буйным небесным соколом был [Ойунский 1982: 89]

Красноречиво описано богатырство героев в «быстроте двигательных реакций». В портрете Нюргуна богатырь показан ловким молодцем, стремительно вскочившим на коня: *дьураа хара атыгар, / ...хардааччы кыыл курдук / хаһыытаабытынан тахсан, / хап гына / хатана түстэбэ...* ‘будто птица, быстро, ловко сел в седло’ [Ойунский 1982: 89; Ойуунускай 2003: 104–105]. Скорость действий Кулун Куллустуура отражается в его беге: *дайбаан сүүрдэбинэ — / дабыдалын тыаһа умсаах кус / кынатын тыаһын курдук кылыгырас буолбут* ‘когда он бежал, руками размахивая, / слышалось гудение, / как от крыльев утки-нырка подобно’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 303]. В сравнении скорости героев имеются все «атрибуты» богатырей: летающий вороной конь; громовая стрела; буйный, небесный сокол (НБС); крылья тетерева-косача; крылья утки-нырка (СКК).

В эпизодах «герой в ярости», «быстрота двигательных реакций героев» использованные сравнительные конструкции (курдук ‘подобно’) несут экспрессию, передавая в ярких красках движение, стремительность героев. Вместе с тем, если в СКК описание скорости реакций героев насыщено сравнительными конструкциями со словами *курдук, саба: ...сүүрдэбинэ — уллуҥабын тыаһа улар кынатын тыаһын курдук* ‘когда он бежал скачками, / пятки его шлепали [с шумом], / подобным шуму крыльев тетерева-косача’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 303], то в олонхо П. А. Ойунского доминируют аффиксы-сравнения: *-лыы, -ныы*.

Богатыри в олонхо отличаются физической силой, ловкостью и, вместе с тем, беспощадностью. В «сражении» главных героев, где одним из компонентов выступают природные объекты, реализуется описание героев в действии в поэтико-изобразительных средствах (см. табл. 6).

Таблица 6. Герои в сражении в СКК и НБС

[Table 6. Main characters in battle

in *Nyurgun Bootur the Swift and Kulun Kullustuur the Obstinate*]

Ситуативный портрет (действия героев): Герои в сражении (вариации эталона описания в олонхо НБС и СКК)		
СКК	<i>Сабырбах сабырбахтарыттан, ...харбаһан ыллылар. Үөгүлэхэ-үөгүлэхэ өттүктэхэн бардылар, Хаһыытаһа-хаһыытаһа халбарытыһан бардылар</i> [Тимофеев-Теплоухов 1985: 39, 104]	... уцепились Ухватили друг друга за шею. ... С гиканьем, ревом стали [друг друга] подбрасывать [Тимофеев-Теплоухов 1985: 314, 374]
НБС	<i>Хайа хайаба түспүтүн курдук Хап гына хапсан ыланнар, Халбарытыспытынан бардылар...</i> [Ойуунускай 2003: 314–315]	Как скалы, С оглушительным воплем Сшиблись они, Спину друг другу Пытаясь сломать... [Ойунский 1982: 115]

Следует отметить, что в тексте НБС пережили трансформацию описания действий героя. Так, если в олонхо СКК описывается сражение богатыря айыы с противником в среднем мире, то в НБС вместо противника из Среднего мира подобран антагонист из Нижнего мира. Такое изменение определено не является случайным, что способствует созданию образа героя.

Весьма колоритно описываются битвы богатырей с их противниками. Борьба между богатырями происходит во всех трех

ярусах фантастического мира. Бой богатырей произвел чудовищные разрушения, к примеру, своими массивными ногами богатыри: *растоптали... / Восемь голых каменных гор* [Ойунский 1982: 115]; *В пыль / Истолкли каменные горы* [Тимофеев-Теплоухов 1985: 374–375]. Далее они бились ровно тридцать дней и ночей, но их силы оказались равными. Борьба с абаасы (злым духом) заканчивается победой богатыря айыы, в которой сама по себе победа является основным показателем его силы.

В текстах поединки богатырей богаты гиперболическими описаниями с распространёнными устойчивыми формулами боевых сцен противоборствующих: *эрбиш биштин курдук / тэбис тэнгэ охсустулар* ‘так и продолжали драться / на равных, / как зубья одной пилы’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 374–375]. Замечено, что в эпи-

зоде битвы в олонхо СКК часто используются такие повторы, как *төбөтүн оройуттан тобута тэпсэннэр, тибэннэр* и др.

Описание жилища, предметов быта богатырей позволяет судить об огромных его размерах. Рассмотрим описание, которое мы приводим в табл. 7:

Таблица 7. Описание жилища богатырей в СКК и НБС
[Table 7. Descriptions of the main characters' dwellings
in *Nyurgun Bootur the Swift* and *Kulun Kullustuur the Obstinate*]

Портрет-оценка: Описание жилища богатырей (вариации эталона описания в олонхо НБС и СКК)		
СКК	<i>Үөһэттэн үлүгэр бөбө Үргүйэн түһүө диэн; Кэлэр-барар көй салгын Көнгүтэ сынньан барыаба диэн Түөрт хос көндөй көмүс холлобостоох эбит...</i> [Тимофеев-Теплоухов 1985: 12–13]	... [сделан] трехрядный потолок — Чтобы не спустились из Верхнего мира Многочисленные напасти... [Тимофеев-Теплоухов 1985: 292].
НБС	<i>Үөһээ өттүттэн, Үлүскэннээх халлаантан Үргүөһүн бөбө Үргүйүө диэннэр Үс хос үтүө тиштэринэн Үрүттээбиттэр эбит...</i> [Ойуунускай 2003: 78–80]	Чтобы с бурного неба Холодный вихрь в просторный дом не надул, На кровле Устроен накат В три вековых бревна толщиной... [Ойунский 1982: 68–69]

Как видим, на языке оригинала более информативным представляется «жилище богатыря». В данных эпизодах, содержащих описание жилища, установлено стихотворных строк: в НБС — 174, в СКК — 84. При этом мы не учитывали эпизоды о надворных постройках.

Для олонхо П. А. Ойунского и И. Г. Тимофеева-Теплоухова предметный мир служит целенаправленным средством характеристики главных героев. Главного героя помогает охарактеризовать предметная (вещная) обстановка. Следовательно, предметная обстановка, в которой герой существует и с которой взаимодействует, отчетливо передает сущность и смысл, кем он является, которую считаем явлением скрытого сравнения.

Очевидно, что в текстах НБС и СКК последовательность описаний жилища имеет отличия. Если И. Г. Тимофеев-Теплоухов изображает жилище Куллуштуура после описания героя, то П. А. Ойунский изображает жилище до описания героя, акцентир-

руя внимание на логический переход *жилище — герой*, этим автор готовит читателя к «встрече» с богатырем Нюргуном.

Жилище богатыря впечатляет обилием добротных предметов. «Архаизация» в приемах описания предметов, выполненных в старинной манере, имеет знаково-символические контексты. Мощь и величие главных героев в олонхо НБС и СКК подчеркиваются детальным гиперболическим описанием предметов: *тобус бухатыыр / уларыппат дьип-хаан олуурдаах эбит* ‘тяжелый засов у двери дома, что могучим богатырям не сдвинуть’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 292]; *тингэһэ сьлгы тириштин / тиэрэ уурбут курдук / ньэлээрбэ-хотоолбо / тэлэкэчийэ тэйэн кэлэр / тэриэккэлэрдээх эбит* ‘подлетают к столу, словно шкуры коня, огромные блюда...’ [Ойунский 1982: 68–69].

В первую очередь, в описании быта предметы служат введением в особую эпическую атмосферу. Предметы здесь являются знаками изображаемой среды, ко-

торые представляют в синхронном срезе эпический мир: *сарт туннуктэр* ‘драночные окошки’; *кысхарыйбыт кытыйалар* ‘пузатые миски’; *чочоруйбут чорооннор* ‘стройные кубки’; *матабар матааччахтар* ‘важные кади’; *туос сандалы* ‘берестяной стол-сандалы’; *туос иһит* ‘берестяная посуда’ [Ойуунускай 2003: 78–80]; *абыс муннуктаах айдан манан остуоллаах* ‘восьмиугольный / широкий белый стол’; *тобус кырыылаах суорума таас оһохтоох* ‘очаг девятигранный из камня тесаного’ [Тимофеев-Теплоухов 1982: 292].

В описаниях быта П. А. Ойунского подчеркивается отсутствие тонких, хрупких вещей, несоразмерных богатырскому могучему виду: *сиэдэрэй сэн диэн / сириэдийбэтэх сирэ буолла, / нарын сэн диэн / наардаспах сирэ буолла* ‘не было здесь хрупких и нежных, красивых вещей’ [Ойунский 1982: 68–69; Ойуунускай 2003: 78–80]. Оригинальный прием изображения быта дает образу главного героя разностороннюю эмоциональную характеристику и, прежде всего, помогает раскрыть авторский замысел в изображении эпического героя.

Одним из приемов, которые используют олонхосуты, является *оживление* предметов. Обнаружено, что П. А. Ойунский чаще всего прибегает к использованию приема прозопопеи (одушевления, олицетворения). В НБС в богатырском жилище предметы имеют свойство двигаться, ведут себя, как живые. Прозопопея особенно усиливается сравнением *вроде*: *...Здесь топор сам прибежал, / Сам рубил, колот, тесал; (...)* *стол-сандалы / ...Сам на шести ножках своих шагал* [Ойунский 1982: 68–69] и др.

Активному, стремительному «перемещению» предметов прием прозопопеи придает динамику: предметы, вертятся, подлетают; прыгают, сверкая; двигаются вперевалку; шествуют навстречу гостям; движутся важно; прибегают, рубят; режут; шагают и др. [Ойунский 1982: 68–69].

Очевидно, что приемами прозопопеи П. А. Ойунский свое произведение обогащает выражением собственных эмоций, делая эпизод выразительным, динамичным. Н. К. Гудзий отмечает, что «генетически происхождение *прозопопеи* коренится в склонности первобытного человека к анимизму и в свойствах его мифологического мышления» [Гудзий 1931: 56]. Таким об-

разом, использование приема прозопопеи в якутском олонхо представляет собой закономерное явление.

Повторы периферийных слов в текстах НБС и СКК, являясь частью устойчивых формул в олонхо, обладают особой эмоциональной силой, создавая определенную эпическую реальность. Например, в описании жилища Кулун Куллустуура периферийные слова *эбит* ‘оказывается’ встречаются 13 раз, *көстөр* ‘видно’ — 4, *диэн* ‘говорить’ — 3; Нюргун Боотура — *эбит* ‘оказывается’ — 21 раз, *диэннэр* ‘говорят’ — 9; *диэн* ‘говорит’ — 13; *кээспиттэр* ‘отбросили’ — 3 и др.

В олонхо НБС сравнения использованы с помощью сравнительных конструкций со словами: *саба* ‘величиною с, ровно’ употребляются 6 раз, в СКК — 6; также сравнения-конструкции *курдук* ‘подобно’ в НБС — 4 раза, в СКК — 5. Вместе с тем устойчивые сравнительные конструкции со словом *тэнэ* и аффиксом *-лыы* в отрывках не обнаружены. Таким образом, предметы в описании жилища богатырей в олонхо П. А. Ойунского и И. Г. Тимофеева-Теплоухова выступают значимыми знаками создания образа персонажа.

4. Выводы

Рассмотрение приемов создания портрета главного героя в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и «Строптивый Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Теплоухова показывает, что в портрете-описании функционируют многогранные компоненты эпического образа.

В портретах-описаниях в олонхо НБС и СКК дается предпочтение гиперболическому изображению внешности богатырей, их манерам, поведению, а также описанию быта, которое отражает социальную и нравственную характеристику героев. В результате анализа портретов-описаний в рассмотренных текстах олонхо можно обозначить следующие позиции: во-первых, портрет-описание в текстах НБС и СКК обладает высокой традиционной устойчивостью; во-вторых, по тождественности тропов перекликаются между текстами приемы создания героев.

Многофункциональность и разнообразие проявлений портретов-описаний выражает их многокомпонентность. Сличе-

ние текстов олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Теплохова и «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского показывает, что это варианты олонхо центральных улусов. Ввиду того, что олонхо И. Г. Тимофеева-Теплохова является ранним типом эпоса, можно признать текст «Строптивный Кулун Куллустуур» исходным материалом для создания портрета главного героя в олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный».

Данилова 2008 — Данилова А. Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008. 21 с.

Литература

- Абдуллина 2014 — *Абдуллина А. Ш.* Портрет как важнейшее средство формирования целостного образа героя в прозе Н. Мусина // *Фундаментальные исследования.* 2014. № 5–6. С. 1343–1347.
- Аникин 2007 — *Аникин В. П.* Теория фольклора. М.: КДУ, 2007. 432 с.
- Балашов, Новичкова 2001 — *Балашов Д. М., Новичкова Т. А.* Русский былинный эпос // *Былины: в 25 тт. Т. 1. Былины Печоры: Север Европейской России.* СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. С. 20–93.
- Беспалов 2001 — *Беспалов А. Н.* Структура портретных описаний в художественном тексте среднеанглийского периода: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 160 с.
- Веселовский 2004 — *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. 2-е изд. М.: УРСС, 2004. 646 с.
- Габышева 2019 — *Габышева Л. Л.* Традиционная картина природы в олонхо: глубинный смысл / *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.* Серия: Эпосоведение. 2019. № 3(15). С. 78–87.
- Гацак 1989 — *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики: монография. М.: Наука, 1989. 254 с.
- Герасимова, Львова 2016 — *Герасимова Л. Н., Львова С. Д.* Способы выражения сравнения в олонхо «Удаганки Уолумар и Айгыр» и «Ёлбёт Бэргэн» Н. Т. Абрамова // *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.* Серия «Эпосоведение». 2016. № 2. С. 52–64.
- Гоголева 1996 — *Гоголева А. И.* Творчество П. А. Ойунского в 20-е годы: особенности перехода от фольклора к литературе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Якутск, 1996. 18 с.
- Гудзий 1931 — *Гудзий Н. К.* Прозопопья у Пушкина // *Памяти П. Н. Сакулина: сб. ст. М.: КИП «Никитинские субботники», 1931. С. 56–64.*
- Далгат 1981 — *Далгат У. Б.* Литература и фольклор: монография. М.: Наука, 1981. 303 с.
- Емельянов 1983 — *Емельянов Н. В.* Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М.: Наука, 1983. 248 с.
- Еремеев 1980 — *Еремеев В. П.* Мифологические персонажи в якутских сказках // *Мифология народов Якутии / отв. ред. В. Т. Петров.* Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 53–59.
- Есин 2000 — *Есин А. Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта; Наука, 2000. 163 с.
- Ефремов 2011 — *Ефремов Н. Н.* Эвиденциальные конструкции в эпическом тексте (по материалам якутского героического эпоса) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2011. № 3(10). С. 52–55.
- Илларионов 1982 — *Илларионов В. В.* Искусство якутских олонхосутов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1982. 128 с.
- Исакова 2001 — *Исакова Н. В.* Культура и человек в этническом пространстве: этнокультурологический подход к исследованию социальных процессов. Новосибирск: МОУ ГЦРО, 2001. 343 с.
- Корякина 2018 — *Корякина А. Ф.* Особенности в образной системе и сюжете Среднеколымского олонхо // *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.* Сер. «Эпосоведение». 2018. № 1(9). С. 83–90.
- Кузьмина, Арбачакова, Шулбаева 2020 — *Кузьмина Е. Н., Арбачакова Л. Н., Шулбаева Н. В.* Стереотипы в изображении женских персонажей сибирского эпоса // *Сибирский филологический журнал.* 2020. № 3. С. 23–35.
- Культурология 1999 — *Культурология в терминах, понятиях, именах: справ. учеб. пособие.* М.: Щит-М, 1999. 406 с.
- Кухаренко 1988 — *Кухаренко В. А.* Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 188 с.
- Львова 2021 — *Львова С. Д.* Сравнения в якутском и тувинском эпосах: общее и специфичное // *Новые исследования Тувы.* 2021. № 1. С. 202–216. DOI: 10.25178/nit.2021.1.11

- Малетина 2004 — *Малетина О. А.* Лингвостилистические особенности портрета как жанра художественного дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 181 с.
- Маслова 2001 — *Маслова В. А.* Человек в зеркале сравнения // Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2001. С. 142–191.
- Мелетинский 1968 — *Мелетинский Е. М.* Эдда и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 368 с.
- Нестерова 1978 — *Нестерова Л. Д.* Главные герои сказок и олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока / ред.: Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1978. С. 159–162.
- Ойунский 1982 — *Ойунский П. А.* Нюргун Боотур Стремительный: Якут. героич. эпос олонхо. Воссоздал на основе нар. сказаний Платон Ойунский / пер.: В. Державин. 2-е изд. Якутск: Кн. изд-во, 1982. 431 с.
- Ойуунускай 2003 — *Ойуунускай П. А.* Дьулуруйар Ньургун Боотур: олонхо (= Нюргун Боотур Стремительный: олонхо). Дьокуускай (Якутск): Сахаполиграфиздат, 2003. 544 с. (на як. яз.)
- Опарина 2017 — *Опарина Е. О.* Языковой образ в коммуникации: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. О. Опарина. М.: ИНИОН РАН, 2017. 152 с.
- Словарь 2008 — Словарь якутского языка: в 3 тт. / ред. Э. К. Пекарский. 3-е изд., испр. и доп. Т. 1. СПб.: Наука, 2008. 760 с.
- Образцы 1911 — Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским / ред. Э. Пекарский. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 74 с. (401–475).-
- Петров 1978 — *Петров В. Т.* Изображение персонажей в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока / ред.: Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1978. С. 97–100.
- Покатилова 2000 — *Покатилова Н. В.* Якутская поэтическая традиция: генезис литературного текста: на материале поэзии А. Е. Кулаковского: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 40 с.
- Покатилова 2018 — *Покатилова Н. В.* Возвращение к истокам: фольклорно-мифологическая парадигма в литературном и научном творчестве П. А. Ойунского // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 4(25). С. 127–134.
- Покатилова, Оросина 2018 — *Покатилова Н. В., Оросина Н. А.* Об одном типе именных формул в эпосе олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный»: опыт типологического анализа // Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П. А. Ойунского: Сб. тез. междунар. науч. конф. (г. Якутск, 27–28 сентября 2018 г.) / редкол.: В. Н. Иванов (отв. ред.), А. Ф. Корякина, Р. В. Корякина и др. Якутск: СВФУ, 2018. С. 24–25.
- Пухов 1962 — *Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо: основные образы. М.: АН СССР, 1962. 255 с.
- Пухов 2016 — *Пухов И. В.* Олонхо — древний эпос якутов. 2-е изд. Якутск: СВФУ им. М. К. Аммосова, 2016. 46 [1] с.
- Родионова 1999 — *Родионова Н. А.* Типы портретных характеристик в художественной прозе И. А. Бунина: лингвостилистический аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 1999. 200 с.
- Сизова 1995 — *Сизова К. Л.* Типология портрета героя: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 152 с.
- Степанова 2022 — *Степанова В. Е.* Творчество С. С. Васильева-Борогонского: фольклорные истоки, поэтика: дисс. ... канд. филол. наук. Якутск, 2022. 203 с.
- Тимофеев-Теплоухов 1985 — *Тимофеев-Теплоухов И. Г.* Строптивный Кулун Куллустуур = Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур: якутское олонхо. М.: ГРВЛ, 1985. 608 с. (на рус., як. яз.)
- Хализев 1999 — *Хализев В. Е.* Теория литературы: учебник. М.: Высшая школа, 1999. 399 с.
- Хусаинова 2017 — *Хусаинова Г. Р.* Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология: дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2017. 352 с.
- Шинкевич 2017 — *Шинкевич О. Н.* Портрет-описание как один из основных художественных приемов изображения литературного героя // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: Филологические науки. 2017. Т. 3(69). № 3. С. 83–97.
- Ястремский 1929 — *Ястремский С. В.* Образцы народной литературы якутов. Л.: АН СССР, 1929. 226 с.

References

- Abdullina A. Sh. Portrait as the important means of the complete hero image's formation in N. Musin's prose. *Fundamental Research*. 2014. No. 5. Pt. 6. Pp. 1343–1347. (In Russ.)
- Anikin V. P. Theory of Folklore. Moscow: KDU, 2007. 432 p. (In Russ.)
- Balashov D. M., Novichkova T. A. Russian bylina-type epic. In: G orelov A. A. (ed.) *Bylinas of the Pechora: Northern European Russia (Com-*

- pendium of Russian Folklore 1). St. Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika, 2001. Pp. 20–93. (In Russ.)
- Bespalov A. N. Middle English Fictional Text: Structural Patterns of Portrait Descriptions. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2001. 160 p. (In Russ.)
- Dalgat U. B. Literature and Folklore. Monograph. Moscow: Nauka, 1981. 303 p. (In Russ.)
- Danilova A. N. The Woman Bogatyr and Her Images in Yakut Olonkho Narratives. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2008. 21 p. (In Russ.)
- Efremov N. N. Evidential constructions in epic text (By the materials of Yakut heroic epos). *Philology. Theory & Practice*. 2011. No. 3 (10). Pp. 52–55. (In Russ.)
- Gabyshva L. L. Traditional picture of nature of olonkho: Deep sense. *Epic Studies*. 2019. No. 3(15). Pp. 78–87. (In Russ.)
- Gatsak V. M. Oral Epic Tradition in Time: A Historical Study of Poetics. Monograph. Moscow: Nauka 1989. 254 p. (In Russ.)
- Gerasimova L. N., Lvova S. D. Ways of comparison expression in the olonkho of N. T. Abramov «Shamans Uolumar and Aygyr» and «Elbet Bergen». *Epic Studies*. 2016. No. 2 (02). Pp. 52–64. (In Russ.)
- Gogoleva A. I. Works of Platon A. Oyunsky from the 1920s: Peculiarities of Transition from Folklore to Fiction. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Yakutsk, 1996, 18 p. (In Russ.)
- Gudziy N. K. Prosopopoeia in A. Pushkin's works. In: In Memoriam [Acad.] Pavel N. Sakulin. Collected papers. Moscow: Nikitinskie Subbotniki, 1931. Pp. 56–64. (In Russ.)
- Illarionov V. V. The Art of Yakut Olonkhosuts. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1982. 128 p. (In Russ.)
- Isakova N. V. Culture and Man in Ethnic Environments: An Ethnocultural Approach to Social Research. Novosibirsk: Education Development Center, 2001. 343 p. (In Russ.)
- Khalizev V. E. Literary studies: Structure and methodology. In: R evyakina A. A. (comp.) Twentieth-Century Science of Literature: History, Methodology, Literary Process. Collected papers. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (RAS), 2001. Pp. 7–30. (In Russ.)
- Khalizev V. E. Theory of Literature. Textbook. Moscow: Vysshaya Shkola, 1999. 399 p. (In Russ.)
- Khusainova G. R. Bashkir Magic Tales: Poetics and Textualism. Dr. Sc. (philology) thesis. Ufa, 2017. 352 p. (In Russ.)
- Kononenko B. I. Cultural Studies: Terms, Concepts, Personalities. Textbook. Moscow: Shchit-M, 1999. 406 p. (In Russ.)
- Koryakina A. F. Features in the image system and plot of the Srednekolimsk Olonkho. *Epic Studies*. 2018. No. 1(09). Pp. 83–90. (In Russ.)
- Kukharev V. A. Text Interpretation. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 188 p. (In Russ.)
- Kuzmina E. N., Arbachakova L. N., Shulbaeva N. V. Stereotypes in female images of the Siberian epos. *Siberian Journal of Philology*. 2020. No. 3. Pp. 23–35. (In Russ.)
- Lvova S. D. Comparisons in the Yakut and Tuvan epics: General and specific. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 1. Pp. 202–216. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2021.1.11
- Maletina O. A. Portrait as a Genre of Fictional Discourse: Linguostylistic Features. Cand. Sc. (philology) thesis. Volgograd, 2004. 181 p. (In Russ.)
- Maslova V. A. Man in mirror of comparison. In: Linguocultural Studies. Moscow: Academia, 2001. Pp. 142–191. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. The Poetic Edda and Early Epic Forms. Moscow: Nauka, 1968. 368 p. (In Russ.)
- Nesterova L. D. The main character of folktales and olonkho narratives. In: Yemelyanov N. V., Petrov V. T. (eds.) Epic Traditions of Siberia and the Far East. Yakutsk: Yakut Branch (SB USSR Acad. of Sc.), 1978. Pp. 159–162. (In Russ.)
- Oparina E. O. (comp., ed.) Linguistic Image in Communication. Collected scholarly papers. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (RAS), 2017. 152 p. (In Russ.)
- Oyunsky P. A. Nyurgun Bootur the Swift: A Yakut Olonkho Epic. V. Derzhavin (transl.). Second edition. Yakutsk: Yakutia Book Publ., 1982. 431 p. (In Russ.)
- Oyunsky P. A. Nyurgun Bootur the Swift: A Yakut Olonkho Epic. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 2003. 544 p. (In Yak.)
- Pekarsky E. K. (comp., ed.) Samples of Yakut Folk Literature Collected by E. Pekarsky. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 74 p. (Pp. 401–475). (In Yak.)
- Pekarsky E. K. (ed.) Dictionary of the Yakut Language. In 3 vols. Third edition, rev. & suppl. St. Petersburg: Nauka, 2008. Vol. 1. 760 p. (In Yak. and Russ.)
- Petrov V. T. Depicting characters of olonkho narratives. In: Yemelyanov N. V., Petrov V. T. (eds.) Epic Traditions of Siberia and the Far East. Yakutsk: Yakut Branch (SB USSR Acad. of Sc.), 1978. Pp. 97–100. (In Russ.)

- Pokatilova N. V. Return to the origins: Folk-mythological paradigm in the literary and scientific works of P. A. Oyunsky. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2018. No. 4 (25). Pp. 127–134. (In Russ.)
- Pokatilova N. V. The Yakut Poetic Tradition: Genesis of Literary Text (A Case Study of A. Kulakovsky's Poems). Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2000. 40 p. (In Russ.)
- Pokatilova N. V., Orosina N. A. One type of naming formulas in Nyurgun Bootur the Swift by P. Oyunsky: A typological analysis. In: Ivanov V. N. et al. (eds.) *Olonkho in the World of Epic Space: The Heritage of Platon Oyunsky. Conference abstracts (Yakutsk, 27–28 September 2018)*. Yakutsk: North-Eastern Federal University in Yakutsk, 2018. Pp. 24–25. (In Russ.)
- Pukhov I. V. *Olonkho — Ancient Epic of the Yakut*. Second edition. Yakutsk: North-Eastern Federal University in Yakutsk, 2016. 46 [1] p. (In Russ.)
- Pukhov I. V. *Yakut Heroic Olonkho Epic: Key Images*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1962. 255 p. (In Russ.)
- Rodionova N. A. Types of Portrayal Characteristics in A. Bunin's Fictional Prose: A Linguostylistic Aspect. Cand. Sc. (philology) thesis. Samara, 1999. 200 p. (In Russ.)
- Shinkevich O. N. Portrait-description as one of the basic artistic techniques of the image of the literary hero. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philology*. 2017. Vol. 3 (69). No. 3. Pp. 83–97. (In Russ.)
- Sizova K. L. The Main Character's Portrait: A Typology. Cand. Sc. (philology) thesis. Voronezh, 1995. 152 p. (In Russ.)
- Stepanova V. E. Works of S. S. Vasilyev-Borogonsky: Folklore Beginnings, Poetics. Cand. Sc. (philology) thesis. Yakutsk, 2022. 203 p. (In Russ.)
- Timofeev-Teploukhov I. G. *Kulun Kullustuur the Obstinate: A Yakut Olonkho*. Moscow: GRVL, 1985. 608 p. (In Russ. and Yak.)
- Veselovsky A. N. *Historical Poetics*. Second edition. Moscow: URSS, 2004. 646 p. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. Some minor notes on bylinas. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1890, March. Pt. 2 68. Pp. 1–55. (In Russ.)
- Yastremsky S. V. *Samples of Yakut Folk Literature*. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1929. 226 p. (In Russ.)
- Yemelyanov N. V. *The Yakut Olonkho: Plots of Earliest Types*. Moscow: Nauka, 1983. 248 p. (In Russ.)
- Yeremeev V. P. Mythological characters in Yakut folktales. In: Petrov V. T. (ed.) *Mythologies of Yakutia's Peoples*. Yakutsk: Yakut Branch (SB USSR Acad. of Sc.), 1980. Pp. 53–59. (In Russ.)
- Yesin A. B. *Principles and Tools of Literary Analysis*. Moscow: Flinta, Nauka, 2000. 163 p. (In Russ.)

